

Введение

(для тех, кто знакомится с «Обретением целостности»)

Ключевое слово в стремлении обрести новую целостность - это слово «Тайна». Тайна это то, что пытается изгнать из мира наука. Любая тайна в научном мышлении становится загадкой, которую можно и нужно разгадать, объяснить, оставить позади. Тайна же это – это нечто, что принципиально невозможно разгадать, что всегда остается изумленным вопросом. Чем глубже погружаешься в тайну, тем таинственнее она становится.

В объективном мышлении тайн нет, есть только временные загадки. В образном восприятии тайна есть, но она воспринимается, лишь как красивая выдумка поэта. Только целостное мышление способно иметь дело с тайной. Тайна – на границе объективного и субъективного. Поэтому обрести целостное мышление можно только, почувствовав тайну, ощутив, что окружающий мир полон тайн, которые мы никогда не сможем разгадать. Тайной может быть, например, уже упоминавшееся воздействие камней. Никакое исследование никогда не сможет обнаружить, скажем, связь между обладанием каким-то камнем и хорошей работой печени. Никогда и никакое. И, тем не менее, мы ощущаем эту связь. Она есть для нас.

Тайн может быть много. Но особенно важно почувствовать одну великую Тайну, тайну с большой буквы, стоящую за бытием нашего мира. Почему существует наш мир? Почему вообще есть бытие и небытие? Что они такое? Вот лишь некоторые вопросы, подводящие нас к этой Тайне. Об этой Тайне принципиально невозможно говорить объективно, потому что она за границами объективности, которые совпадают с границами нашего мира. Но она, очевидно, и не субъективная выдумка. Говорить о ней можно, только в целостности мышления.

Итак, обретение новой целостности мышления неразрывно связано с чувством, ощущением как великой Тайны, так и множества тайн, наполняющих наш мир, с размышлением о них, погружением в них. Как это происходит? Предлагаемые эссе помогут вам подойти к Тайне, может быть, окунуться в нее.

Разумеется, читать их нужно, помня о раздвоенности современного мышления и пытаясь воспринимать описанное в предлагаемых текстах целостно. Таким образом, само их чтение

сможет стать неплохим (пусть пока и очень простым) упражнением в обретении целостного мышления.

Двенадцать экскурсий в запретное или эссе о Тайне (I)

Помните старую песню: «Куда уехал цирк? Он был еще вчера. И ветер не успел еще сорвать афиши...»? В ней есть несколько очень трогательных строк, которые становятся своего рода ответом на этот вопрос. Цирк, о котором поется в песне, сейчас там, где: «Бумажных голубей туда уносит ветер. Туда под новый год уходит старый год. Туда на карусели едут дети».

Но, вообще говоря, это совсем даже не ответы, а, скорее, новые вопросы: куда улетели бумажные самолетки из нашего детства? Куда ушли все несбывшиеся мечты? И, может быть, самое щемящее в своей наивной конкретности: «Куда на карусели едут дети?».

В самом деле, куда? Эти лошадки, машинки, самолетки, просто скамеечки - куда они стремятся в своем движении по кругу? Быть может, они несут смеющихся и кричащих детей от радости и восторга - к новым радости и восторгу? Или с каждым новым кругом, с каждой новой минутой они везут их в будущее, во взрослую жизнь: от детской беззаботности – к взрослым проблемам и трудностям? А, может быть, наоборот, они уносят детей от нас - в прошлое, в недостижимую, скрытую туманом обманчивых воспоминаний, оставшуюся далеко позади пору нашего собственного детства?

Куда все уходит в этом мире и в нашей жизни? Куда все оно стремится? Откуда оно приходит? Куда едут люди в поезде, что прогрохотал мимо? Откуда прилетают птицы, что щебечут под нашим окном майским утром? Откуда приходит новая любовь? А мимолетное счастье: куда и откуда оно пролетает, едва задев нас своим крылом? Куда плывут причудливые облака? Откуда падают на нас капли дождя? И, наконец: откуда мы сами, что ищем мы здесь, на земле; и куда уходим мы с нашим последним вздохом?

Конечно, на все эти вопросы можно ответить точно, объективно и, так сказать, научно. Все можно объяснить и разложить по полочкам. Поезд едет по маршруту: Санкт-Петербург – Москва, у каждого из пассажиров есть вполне определенная цель поездки, птицы прилетели оттуда-то и оттуда-то. Любовь и ощущение счастья – это лишь игра гормонов, дождь – это

влаги сконденсировавшаяся в облаках... Но все это не будет настоящим ответом, тем ответом, который нам нужен. Тем ответом, который ищет не наш разум, а наше сердце.

А сердце вопрошает снова и снова: куда уходит все в этом мире и в нашей жизни? Куда, смешно переваливаясь, ушли наши любимые плюшевые медвежата, ускакали пластмассовые всадники-солдатики? Куда утекли все прошлые годы с их надеждами и разочарованиями? Куда ушли наши друзья, с которыми мы, поссорившись однажды, больше уже не виделись? Куда были однажды унесены в гробах наши близкие, тепла чьих рук и сердец нам так не хватает? Куда, куда, смеясь и крича, едут дети на карусели, что стоит на детской площадке в вашем дворе?

В никуда, в невозвратность, в прошлое, в ничто?..

«Куда уходит детство? Эх, где же моя молодость! Ну вот, не заметил, как и жизнь прошла. Куда только?», - кому не доводилось восклицать так? При этом нам порой кажется, что это риторическое восклицание, что оно не требует ответа. Но почему мы тогда снова и снова спрашиваем об этом?

Нет, это не риторический вопрос, а вопрос настоящий: порой печальный, порой страстный... Вопрос жаждущий ответа...

Но ответа на него нет, это правда. И не надо давать себя обманывать и удовлетворяться слишком легковесными и пустыми «ответами», что дает, например, поверхностная религиозность или заумные рассуждения философов о смысле жизни. Ответа нет. Но и отсутствие ответа может сказать нам очень многое - нужно лишь, отбросив всю трескотню, вслушаться в это окружающее нас великое и таинственное молчание...

Двенадцать экскурсий в запретное или эссе о Тайне (2)

Художники и поэты всех времен знали, что у всего происходящего в мире есть неведомые глубины. В их стихотворениях, в их полотнах мы можем уловить неудовлетворенность простыми и объективными, разумными и очевидными ответами. Они всегда старались выйти за границы видимой реальности. Они стремились, как проникнуть в глубины бытия.

Райнер Мария Рильке, например, так описывает простой осенний листопад:

Летит листва, как будто принесло

Ее садов небесных увяданье...

Увядающие листья опадают не с деревьев вокруг, а летят на мокрую осеннюю землю из безмерной дали таинственных небесных садов, падают словно из самой вечности.

А Иосиф Бродский так описывает проплывающие по небу облака (в самом деле, куда они плывут над нашими головами?):

Проплывают облака, это жизнь проплывает, проходит,

Привыкай, привыкай, это смерть мы в себе несем,

Среди черных ветвей облака с голосами, с любовью...

«Проплывают облака...» - это дети поют обо всем (...)

Проплывают облака, проплывают, проплывают над рощей,

Где-то льется вода, только плакать и петь, вдоль осенних оград,

Все рыдать и рыдать, и смотреть все вверх, быть ребенком ночью,

И смотреть все вверх, только плакать и петь, и не знать утрат.

Где-то льется вода, вдоль осенних оград, вдоль деревьев неясных,

В новых сумерках пенье, только плакать и петь, только листья сложить.

Что-то выше нас. Что-то выше нас проплывает и гаснет,

Только плакать и петь, только плакать и петь, только жить.

Проплывающие над нами облака несут с собой всю нашу жизнь: они одновременно чудесным образом возвращают нас в детство, и увлекают нас навстречу смерти. Искусство способно проникать на такие глубины, которые закрыты нашему «трезвому» разуму. Оно стремится уловить мелодию того таинственного гимна, который звучит в тишине великого молчания.

Известный протестантский теолог прошлого века Петер Бруннера говорил, что глубочайший источник искусства лежит в самом моменте творения этого мира, в его, нашего мира, первозданном сиянии и чистоте. Всякое подлинное произведение искусства несет на себе отпечаток этого изначального, глубочайшего света, этой исконной, космической гармонии: ее отголоски или ее отблески. «Между полной тоски ностальгией по потерянному, горестном плаче о настоящем и робком ожидании еще невыразимого будущего, искусство падшего человека проявляет и нечто от пребывающей соотнесенности всего творения с изначальным Божественным Словом и, тем самым, распространяет вокруг себя благотворную, путь и проникнутую болью радость (...) и сегодня произведение

искусства выходит за пределы простой данности. Оно вторгается в данность, словно в горную породу и из ее сокрытых недр выводит на свет нечто подлинное. И в этом оно сопоставимо с наукой, которая своим знанием сокрытое являет реальным»

Итак, сущность искусства и состоит в том, чтобы прорваться за обыденную поверхность этого мира. Искусство намеренно преобразовывает, творчески искажает данность и тем самым указывает нам на то, что лежит за ее пределами, на глубины бытия. Не случайно древнее искусство, равно как и искусство современное (в отличие от искусства эпохи Просвещения и рационалистичного 19 в.) намеренно нереалистичны. Оно стремится показать не то, что мы и так можем увидеть своими глазами, а нечто более глубокое, скрытое за ним.

Однако при всем этом возможности искусства – даже самого смелого - очень ограничены. У голландского художника Эшера есть гравюра, на которой изображен дом с балконом. Однако это изображение словно бы вспучилось посередине. Сам Эшер объясняет странный рисунок так: некий художник попытался изобразить дом с балконом таким образом, чтобы максимально передать объем. Но, невзирая на все мастерство, изображение все равно осталось плоским. Тогда в отчаянии он схватил молот и ударил им по своей гравюре с тыльной стороны. Она вспучилась пузырем, стала объемной. Но изображение все равно осталось двумерным...

В сущности, так обстоит дело с любым произведением искусства: оно намекает нам на тайну, о которой мы спрашиваем, пробуждает стремление к ней, тоску по ней, осторожно нас к ней подводит, но по-настоящему погрузиться в эту тайну в это великое молчание ему не дано. Здесь требуется нечто другое. Но об этом чуть позже...

Двенадцать экскурсий в запретное или эссе о тайне (3)

Искусство – это попытка нащупать таинственные глубины бытия. Но все дело в том, что на самом деле речь идет не о глубине, а о бездне. Вообще говоря, от самого этого слова становится как-то не по себе. Сразу вспоминается скандально известный рассказ Леонида Андреева. Начинается он с идиллической картины: гимназистка и студент-технолог, гуляющие по полям на закате, рассуждающие о любви, самопожертвовании, поэзии и бесконечности. За такими разговорами, увлеченные первыми порывами зарождающегося в них чувства, они не замечают, как зашло солнце. В темноте трудно найти дорогу домой. Тем более, что приходится пробираться через лес. Поляна. Костер. Трое бродяг. Пустая

бутылка. Всякое сопротивление оказывается бессмысленно. Через несколько минут избитый студент приходит в себя и начинает отчаянные поиски своей спутницы. Он находит ее неподалеку: нагую, без сознания лежащую на земле. Он пытается привести ее в чувство набросить на нее одежду, шепчет какие-то слова любви и утешения, обнимает, покрывает ее поцелуями. И постепенно страх и отчаяние перерастают в нем в неодолимую темную страсть. *«И с силой он прижался к ее губам, чувствуя, как зубы вдавливаются в тело, и в боли и крепости поцелуя теряя последние проблески мысли. Ему показалось, что губы девушки дрогнули. На один миг сверкающий огненный ужас озарил его мысли, открыв перед ним черную бездну. И черная бездна поглотила его»* - так заканчивается этот рассказ. Лев Толстой так отреагировал на это: *«Ведь это ужас!.. Какая грязь, какая грязь!.. Чтобы юноша, любивший девушку, заставший ее в таком положении и сам полу избитый – чтобы он пошел на такую гнусность!.. Фуй!.. И к чему это все пишется?.. Зачем?..»*. Действительно, не верится. Действительно, все кажется преувеличенным. Действительно, все не вписывается в рамки наших обычных представлений. Одно слово: бездна. Слово «бездна», вообще, невольно ассоциируется с чем-то нехорошим, страшным. Достаточно вспомнить названия разных голливудских фильмов: «Бездна», «Погружение в бездну» и много других. Бездна - значит, у нее нет дна. Она бесформенна. Без-образна, – в самом прямом, в самом страшном смысле этого слова. Бездна никогда не сможет стать ответом. Она - это вопрошание, более того: отчаянный вопль об ответе... Если мы говорим о бездне, то мы имеем дело с чем-то принципиально непознаваемым. Перед ней оказываются бессильны наш разум, наши чувства, перед ней теряются, по выражению Леонида Андреева, «последние проблески мысли». Но мне вспоминаются и другие слова, которые Лев Толстой сказал об Андрееве: *«Он пугает, а мне не страшно»*. В самом деле: зачем же все так преувеличивать, доводить все до таких, так сказать, бездонных крайностей? Толстой прав, что описанное Андреевым кажется натянутым, искусственным. В нашей жизни мы сталкиваемся с мелкими и большими, смешными и серьезными, но отнюдь не бездонными проблемами и вопросами. Что же нам может дать ощущение этой бездны? В Библии есть интересный стих, песнь серафимов перед престолом Божиим: «Свят, свят, свят Господь Саваоф, и небо и земля полны славы Его». Святость Божья – это тема, напоминающая нам о таинственной бездонности.

Эти слова по-особому звучат в фильме Ингмара Бергмана «Причастие». Небольшая сельская церковь, где-то в шведской провинции. Унылые пейзажи. Тяжелые отношения между людьми. В начале богослужения в зале лишь два человека: церковный служка и женщина, которую связывают с пастором болезненные, изломанные отношения.

Вот пастор появляется в алтаре и начинает богослужение в почти пустой церкви словами: «Свят, свят, свят Господь Саваоф, и небо и земля полны славы Его». То, что показано в фильме – это причудливое переплетение обыденного и мелочного, печального и отвратительного, глупого и неудачного. Мы постоянно оказываемся среди подобных ситуаций, постоянно каждый из нас опутан нитями подобных клубков. Мы копошимся среди всех этих переплетений, с удовольствием или без всякого удовольствия пытаемся дергать то за одни, то за другие нити. Но ответом именно на этот житейский клубок звучат слова о святости Господней. Ответом на это наше копошение звучит призыв всмотреться в бездну. Всмотреться в бездонную, пугающую, непостижимую тайну. Это трудно. Мы боимся бездны, но снова и снова будем прикрываться циничным: «а мне не страшно!». Страшными мы искренне считаем наши будничные, повседневные беды и заботы. «Весь этот ужас! – так и хочется воскликнуть вместе с Толстым, прочитав сегодняшний библейский отрывок - Фуй! И к чему все это пишется? Зачем?». Да, тайна, скрывающаяся за внешней поверхностью бытия, та тайна, к которой мы обращаемся в наших вопрошаниях, к которой пытаются прорваться лучшие произведения искусства, может казаться неуместной, может быть страшна. Страшна, прежде всего, своей непостижимостью, отсутствием ответов, сломом привычных схем мышления, пребыванием по ту сторону добра и зла. Она страшна своей неподконтрольностью нам и своей необъяснимостью. Но если мы хотим, чтобы наши вопросы: «Куда? Откуда? Зачем? не остались бесплодными нам надо решиться на этот страх. И первое, что нам нужно здесь сделать - признаться в своем страхе перед этой тайной.

Двенадцать экскурсий в запретное или эссе о Тайне (4)

Бездонность, таинственность и необъяснимость пугают нас. Мы хотим ответов, причем простых и понятных, рациональных ответов. В Евангелии от Иоанна, одной из библейских книг рассказывается история о слепом человеке, которого, проходя мимо, увидел Христос. Ученики Иисуса спросили его: а почему этот человек слеп? Наверное, он наказан за грех: за свой грех или грех своих родителей? «Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?».

Самое позднее со времен Сартра и Камю мы знаем, что искать ответ на такой вопрос бессмысленно. Французские экзистенциалисты пришли к ошеломляющему в своей простоте выводу. Бессмысленно искать разумную причину тому, что происходит в этом мире. Все является иррациональным, абсурдным. Никакого смысла ни в чем нет. Сколько

ни задавай это самое сакраментальное «Почему!?!», - ответа на него не будет. Ответа на него просто нет.

Нет, конечно, и сейчас некоторые ходят к гадалкам, чтобы разузнать тайны своего прошлого и будущего. Кто-то занимается очищением кармы, чтобы избавиться от полосы неудач, кто-то усердно посещает церковь, чтобы, как говорится, «замолить» грехи и тем самым сделать свою жизнь чище и лучше. Да, и сейчас есть немало людей, которые, когда с ними случается несчастье, спрашивают: «За что это я наказан?!». Но ко всему этому трудно отнестись без иронии. Если бы в мире, действительно, действовал некий универсальный закон воздаяния за зло и награды за добро, то жизнь выглядела бы совсем иначе: понятнее, объяснимее, справедливее. Нет, такого закона нет или, по крайней мере, нам никогда не понять, как он действует.

Мы больше не можем всерьез вместе с Лейбницем думать, что в этом – лучшем из миров – мире, если и происходит какое зло, то его цель – служить высшей гармонии. Мы не можем вместе с наивными креационистами из якобы исключительно рационального и великолепного устройства этого мира выводить существование Творца и доказывать бытие Божие, рассматривая моллюсков и червей.

В мире царствует абсурд и бессмысленность. Давайте честно признаемся в этом – хотя бы сами себе! И потому нам следует избегать ложной уверенности и поспешных выводов. Нам не дано простых разгадок и объяснений. Мы уже говорили, что простые, разумные объяснения не могут нас удовлетворить, ничего не говорят нашему сердцу. У того, что случается с нами, нет, и не может быть простых и исчерпывающих объяснений. Мы можем лишь, образно говоря, наблюдать за солнечными бликами на водной ряби, на поверхности океана, не понимая того, что совершается под ней на многокилометровой глубине. Да, в жизни есть бессмысленное и необъяснимое зло, слепой рок, незаслуженное счастье и иррациональные трагедии. Этакая Вавилонская лотерея. Как в рассказе Борхеса, где при помощи обязательной лотереи случайным образом стали разыгрываться не только деньги или призы, но и все повороты в судьбе каждого человека.

Многие думают, что для того и существует религия, чтобы внести некий придуманный порядок в этот абсурд, дать человеку хотя бы иллюзию некоей системы. Наверное, они правы, и вопрос учеников Иисуса – прекрасная тому иллюстрация. Но есть нечто более важное и более глубокое, чем примитивная религия... «Почему со мной произошло это несчастье?» - бессмысленно искать ответ на этот или на иные подобные вопросы... А если

вам предлагают такие ответы, не верьте им, сколь бы убедительными они ни казались. Ответов нет, нет простых и понятных объяснений, но сами вопросы могут помочь нам.

Задавать их совсем не бессмысленно. И продолжение библейской истории показывает это...

Двенадцать экскурсий в запретное или эссе о Тайне (5)

Иисус не отвечает на вопрос, почему этот человек слеп от рождения. Он не рассказывает про его прошлые грехи, про грехи его родителей, про его карму, про плохую наследственность, про родовую травму из-за небрежности акушерки, про несправедливое общественное устройство, в котором бедные оказываются лишены своевременной врачебной помощи... Он не пытается дать разумное объяснение, Он не пытается смягчить трагическую бессмысленность зла, которое случилось с этим слепым. Он просто совершает чудо.

Да, Тайна, окружающая нас в жизни, страшна, она пугает своей бездонностью. Она страшит непостижимостью и необъяснимостью, внешней абсурдностью. Но этот страх – предвестие чуда.

Понятия Тайны и чуда неразрывно связаны друг с другом. Что обычно понимают под чудесами? Обычно речь идет о каком-либо событии, которое противоречит законам природы. Однако если Тайна пронизывает собой все наше бытие, то для ее восприятия нет нужды в том, чтобы происходило нечто сверхъестественное.

Еще один богослов и философ Пауль Тиллих так описывает природу чуда: *«Знаковые события, в которых являет себя тайна бытия, состоят в особом сочетании элементов реальности, соотношенном с особым сочетанием элементов сознания. Подлинное чудо – это, во-первых, событие, которое является изумительным, необычным, потрясающим, но при этом оно не противоречит рациональной структуре бытия. Во-вторых, это событие указывает на тайну бытия, это событие, через которое человеку открывается отношение с основой бытия. В-третьих, это знаковое событие, которое переживается в экстазе. Только если исполнены все три условия, можно говорить о подлинном чуде. То, что не потрясает, а просто удивляет, оно ничего не открывает. То, что потрясает, но не указывает при этом на основу бытия, это не чудо, а колдовство. То, что не переживается в экстазе, это просто сообщение о тех чудесах, которое принимаешь на веру, но не чудо само по себе (...) Можно сказать, что экстаз – это чудо сознания, и что чудо – это экстаз реальности».*

Чудо – это «экстаз реальности»! Чудесное событие может быть объяснено вполне обычными способами, оно не должно и не может противоречить законам природы или логики, но в нем обстоятельства складываются так, что мы переживаем в этом событии прикосновение к самой последней, вечной глубине, бездне бытия. Для человека со стороны это событие будет – пусть и несколько необычным, но - вполне закономерным процессом, или просто случайностью, совпадением для меня же оно будет чудом. Жить в осознании Тайны, в осознании ее присутствия в своей жизни – это жить в ожидании и ощущении чуда.

В трагическую абсурдность этой жизни Иисус из библейского рассказа приносит не разумное объяснение, а чудо.

Я с большим подозрением отношусь ко всяким разумным объяснениям и системам, сколь бы глубокомысленными и сложными они ни были. Не они – настоящий ответ на абсурдность и бессмысленность жизни. Не они, а пережитое чудо! Не искать и не придумывать объяснений, там, где их нет и быть не может, а быть открытым чуду, быть внимательным к чудесам, что постоянно происходят вокруг нас. Нет, я не призываю безоговорочно верить всяким чудесным историям из прошлого и из настоящего: большая часть из них либо заблуждение, либо выдумка. Не верить безоговорочно, но прислушиваться к ним! Красивые, исполненные глубокого смысла или откровенно безвкусные, - но все равно даже самые нелепые из таких историй пронизаны этой тоской по чуду. Чудо – не объяснение. Чудо само необъяснимо. Чудо указывает нам не на некую рациональную систему или разумный порядок, якобы стоящие за происходящим в мире, - а на Тайну. Абсурду противопоставлен не порядок, а Тайна. А это значит, что каждое событие, каждое движение нашей жизни – это уникальное и неповторимое прикосновение к бездонной, непостижимой Тайне, к той Тайне, что стоит за бытием всего этого мира. Поэтому, мужественно признавая бессмысленность и нелепость много из того, что происходит вокруг нас, в то же время жить ожиданием чуда, в готовности к чудесам, жить перед лицом Тайны - вот жизнь достойная человека! Веришь ли ты в чудеса? Веришь ли ты в Тайну?

Двенадцать экскурсий в запретное или эссе о Тайне (6)

Бездна, чудо, Тайна... Да, на самом деле, речь идет больше, чем о глубинах бытия. Больше, чем об абсурдности и принципиальной необъяснимости жизни. Речь идет, в конце концов, о Тайне. Тайне с большой буквы. Все «упирается» в нее. Она присутствует повсюду. Она

вездесуща. Лучи солнца, тепло прикасающиеся к нам среди мороза. Красивое музыкальное произведение, последние аккорды которого только что растаяли в воздухе. Внезапно неизвестно почему нахлынувшие воспоминания. Но и нестерпимая боль, что порой пульсирует в голове. Ноющие ноги и спина. Слезы, в момент расставания текущие по щекам. Упущенные однажды и безвозвратно ушедшие возможности, – все живет, движется внутри этой Тайны!

Каждой секундой нашей жизни, каждым событием в ней, каждым приобретением и каждой потерей, каждым вдохом и каждым выдохом, каждым нашим вздохом и каждой улыбкой, - мы неразрывно связаны с этой Тайной, мы вовлечены в нее.

Я вспоминаю стихотворение еврейского поэта Шалома Бен-Хорина, в котором он пишет о Боге:

Грех мой ли вспоминаешь,

Я от Тебя к Тебе

Бегу, ведь Ты, я знаю,

Далек и близок мне.

И все мои метанья –

Путь от Тебя к Тебе.

И близостью и далью

Ты говоришь ко мне.

И от Тебя к Тебе он -

Мой отдых на пути.

И суд, и милость снова

Все Ты и только Ты.

Здесь понятие Бога, о котором пишет поэт, служит для обозначения великой Тайны. «Бог» - этим словом люди, мыслящие в первобытной целостности мышления обозначали ту Тайну, о которой мы говорим. В период раздвоенного мышления это понятие Бога стало практически бессмысленным: как образ оно бессильно, а Бог, как некое объективно наличествующее Сверх-существо – это абсурдная идея....

Но нам важны не слова, а сама суть. Наша жизнь – это путь из Тайны в Тайну. И не только вся наша жизнь, но и каждое событие в ней. Каждое из них связано с Тайной, проистекает из нее и впадает в нее же. Только нужно подчеркнуть: речь идет не о каких-то возвышенных, мистических или прочих объяснениях смысла тех или иных событий, которые могут предложить представители религии, эзотерики и т.п. Никакое объяснение не может быть окончательным. Большинство из них ложны. Не объяснения, а великое молчание, Тайна! Главное – это ощущение Тайны, причастности нашей жизни к бездонной вечной глубине, что бесконечно глубже бытия и небытия.

Наша жизнь причастна этой Тайне. Наша жизнь не просто некое существование: пустое или наполненное, успешное или неудачное, какой она может показаться поверхностно. Каждая человеческая жизнь, какой бы внешне она ни была, есть прикосновение к Тайне. И каждое такое прикосновение уникально, в полном смысле этого слова чудесно. Что бы ни происходило на поверхности нашей жизни, в своей глубине она есть выражение вечной Тайны и потому бесконечно ценна, бездонна, волшебна.

Наше прошлое, пережитое нами, не умерло, не исчезло навсегда. Оно не стало жертвой абсурда и добычей хищного ничто. Оно живет, окутанное добрым теплом этой таинственной бездны. Наше будущее не пусто – оно вытекает из этих же самых таинственных глубин. И наше настоящее, наш сегодняшний день, каждый наш шаг, каждый наш вдох и выдох – это путь от вечности в вечность, от Тайны к Тайне.

Эта Тайна заключается хотя бы в том, что мы никогда не сможем объяснить наш мир, никогда не сможем понять, охватить нашим разумом бытие и небытие... Они, а еще больше то, что стоит за ними, таинственно и всегда останется таковым. Эта Тайна ничего не объясняет, она только снова и снова вызывает вопросы, изумление и благоговение. Эта Тайна бездонна. Она стоит за всем миром, за всей Вселенной. Но она и пронизывает все

наше бытие. Она пронизывает каждую минуту нашего существования. Вся наша жизнь буквально погружена в нее. Она в глубине всех процессов, происходящих в мире и с каждым из нас.

Это может пугать, но утешает и радует: все в нашей жизни – не абсурдно и не объясняется при помощи плоских и нелепых выводов, а «упирается» в Тайну, вечную Тайну. Наше прошлое уходит в Тайну, и наше будущее устремлено в нее. Наша жизнь и наша смерть ей причастны.

Прикоснуться к этой Тайне мы можем через переживание каких-либо необычных природных явлений, в произведениях искусства, иногда и через какие-то «мелочи», - словом через все, что можно назвать чудом. Чудом, не в смысле сверхъестественного события, а в смысле «экстаза бытия». В этом экстазе на мгновение приоткрывается глубина, а может быть даже и сама бездна, кроющаяся за поверхностью вещей, приоткрывается вечная Тайна, жизнь обретает наполненность, новое измерение.

Все, что происходит в нашей жизни овеяно этой вечной Тайной, коренится в ней и проистекает из нее.

Двенадцать экскурсий в запретное или эссе о Тайне (7)

Однако, что же это все-таки за Тайна? Как описать ее? У Александра Грина есть рассказ про человека, который вдруг оказался в состоянии помыслить, нет, кажется, даже не вечность, а просто весь мир, всю Вселенную в ее целостности, охватить ее своим разумом и своей мыслью. Но одновременно он понял, что будет просто не в состоянии выдержать этой мысли, она убьет его. Однажды так и случилось. Он погиб, попытавшись представить себе всю Вселенную. Не думать о ее величии (на это способен каждый), а именно по-настоящему представить себе его, почувствовать его, вместить его в себя.

Инстинктивно понятно: писатель прав: человеку такой мысли, такого чувства просто не выдержать. А ведь шла «всего лишь» о нашем мире... Что же говорить о реальности, которая стоит за нашим миром, которая бесконечно больше, величественнее и таинственнее его!

Но есть ли что-то такое? Есть ли такая реальность? Можно признать, что наука способна исследовать весь мир, проникнуть в глубины материи, энергии, пространства и времени.

Да, загадки всегда будут оставаться, но ученые будут получать все новые и новые ответы на них. Мир принципиально познаваем. Разумеется, с этим утверждением можно спорить, но... почему бы нам и не согласиться с ним? Итак, мир можно изучить, все в нем можно (хотя бы потенциально) объяснить, все подвластно человеческому разуму. Если и не сегодня, то, по крайней мере, в будущем. Однако остается один вопрос. В разных формах им задавались и задаются очень многие мыслители. В наиболее «простой» форме звучит он так: «Почему, вообще, существует что-то, а не ничто?». Что такое реальность? Что такое бытие? Почему вообще есть оно, почему оно такое, какое есть, то есть оформленное во времени, пространстве и материи? Является ли оно чем-то необходимым? Откуда оно? Что такое ничто? И как они, бытие и небытие, соотносятся друг с другом? Если бы ничего не было, то можно ли сказать, что тогда было бы Ничто? Можно ли сказать, что Ничто существует? Или Ничто не существует? Но тогда не получается ли, что есть только бытие, а Ничто нет?

Все наши размышления, весь наш научный поиск осуществляется в тех рамках, которые задают нам время, пространство, материя. Наш разум, наши чувства, наше воображение просто не способны выйти за их пределы.

Даже просто представить себе весь мир в его целостности, – это способно убить нас... А представить себе то, что по ту сторону бытия и небытия... Если немного поразмышлять над заданным вопросом, то понимаешь, насколько бездонны те глубины, в которые он нас ведет.

Все сказанное можно подытожить так: за бытием этого мира стоит Тайна. Та самая Тайна с большой буквы. Как мы увидели, эта Тайна не имеет ничего общего с теми загадками и «белыми пятнами», которые пока оставляет наука. Чтобы говорить об этой Тайне совсем не нужно умалять возможности современных наук, говорить о том, что в мире есть области принципиально закрытые для них, как это делают представители примитивной религиозности или люди, увлекающиеся всевозможной магией. Эта Тайна на совершенно другом уровне, чем все, что доступно человеческому изучению, размышлению, познанию. Да, мы можем изучить бытие, материю и пространство вдоль и поперек. Но нам уже почти невозможно или даже вовсе невозможно понять и даже представить себе Ничто, а тем более то, что стоит за бытием и небытием.

Все это Тайна, в которую нам никогда не проникнуть. Просто потому, что наш разум, наши чувства и представления не могут существовать вне пространства и времени, и уж тем более вне самого бытия. Это головокружительное ощущение. Об этой Тайне нельзя даже сказать,

что она есть, потому что слово «есть» - это категория бытия. А эта Тайна стоит за его пределами.

В сущности, эту Тайну можно сформулировать только в форме вопросов. Она никогда не может стать ответом. Для ответа у нас никогда не будет ни слов, ни мыслей, ни чувств, ни представлений.

Впрочем, даже вопросы могут лишь подвести нас к этой тайне. Ведь и они формулируются, исходя из привычных структур нашего мышления. Например, тот основополагающий вопрос, о котором мы уже говорили: «Почему существует что-то, а не ничто?», - он предполагает причинно-следственные связи. А эти связи – элемент этого мира. Применять их, продолжать их за пределы нашего мира, за пределы пространства и времени, бытия и небытия невозможно. Если мы размышляем об этой Тайне, то даже сам вопрос «почему?» становится просто бессмысленным.